

Глава 31

Фея Лофу

Те Хэнцю не осмелился задавать лишних вопросов, лишь покорно опустил голову, ожидая продолжения.

Юэ Бочжи легонько постучал пальцами по лечебной подушке, его голос оставался таким же ровным: «Ты видел шестого молодого господина Усадьбы божественного древа?»

Сердце Те Хэнцю дрогнуло. «Видел. Ещё как видел!»

Он закрыл глаза, и воспоминания унесли его в далёкое прошлое, когда он был ещё смертным юношей.

Тогда его лицо было мертвенно-бледным, поношенная одежда висела на исхудавшем теле. Его грубо затолкали в повозку.

Колёса месили грязь. Он, вместе с другими детьми его возраста, трясся в повозке, словно мешок с отрубями, пока их, наконец, не вывалили на грязную землю Усадьбы божественного древа.

Дождливый полдень. Запах гнили ударил в нос.

Когда его выталкивали из повозки, он поскользнулся и упал лицом в грязь.

Раздался стук копыт.

Те Хэнцю поднял голову и увидел юношу на коне, в роскошных парчовых одеждах, который свысока смотрел на него.

У юноши были изящные черты лица и надменный взгляд — это был шестой молодой господин усадьбы.

Он бросил на него презрительный взгляд: «Что за грязная собака преградила мне путь?»

Управляющий поспешил ответить: «Молодой господин, это новые смертные слуги».

«А, смертные», — шестой молодой господин пренебрежительно хмыкнул, хлестнул коня и усккал прочь.

Спустя несколько дней.

В сумерках поздней осени Те Хэнцю вместе с другими слугами таскал дрова на заднем дворе. Худой, с выступающими рёбрами, он нёс тяжёлую вязанку, и каждый шаг давался ему с трудом.

Мимо проходил шестой молодой господин со своей свитой. Он взглянул на Те Хэнцю и усмехнулся: «О, грязная собака ещё жива?»

Те Хэнцю знал, что этот юноша, хоть и был его ровесником, был бессмертным господином, с которым ему не стоило связываться, и покорно опустил голову.

Шестой молодой господин, оперевшись на колонну, вертел в пальцах камешек.

Как только Те Хэнцю выпрямился, камешек пролетел мимо его уха и упал в лужу: «Грязная собака, принеси».

Те Хэнцю, волоча уставшие ноги, подошёл ближе, но камень вдруг подпрыгнул, обдав его грязью.

Он прекрасно понимал, что это шестой молодой господин забавляется с ним, используя свою духовную силу.

Но ему ничего не оставалось, кроме как гоняться за этим камнем.

Шестой молодой господин громко рассмеялся.

Те Хэнцю, спотыкаясь, гонялся за камнем, всё глубже увязая в грязи, пока она не дошла ему до колен.

Свита хохотала, глядя, как он, весь в грязи, худой и нелепый, раз за разом падает, словно оципаный цыплёнок.

Когда солнце начало садиться, Те Хэнцю, тяжело дыша, упал в лужу. Грязь дошла ему до пояса, но он всё ещё пытался подняться, цепляясь за скользкую землю, как упрямая утка, попавшая в котёл и не желающая сдаваться.

Шестой молодой господин с интересом наблюдал за ним: «А этот смертный довольно вынослив, лучше предыдущих».

Свита поддакнула: «Да, редкий экземпляр».

Шестой молодой господин, поглаживая подбородок, окинул его взглядом и улыбнулся: «Заберите его, будем держать».

Слуги тут же схватили Те Хэнцю за руки и потащили вглубь усадьбы.

Он был слишком слаб, чтобы сопротивляться, и позволил им отвести себя в один из внутренних дворов.

Когда ворота открылись, Те Хэнцю замер от изумления.

Всё в этом дворе было не из мира смертных.

Колонны были сделаны из чистого золотого бамбука, с карниза главного зала свисала полупрозрачная завеса из акульего шёлка, переливавшаяся в лучах заходящего солнца. Из-за завесы вышли две прекрасные девы, их платья не касались земли, а серебряные украшения в волосах сияли, как лунный свет.

Те Хэнцю подумал, что встретил фей, но те лишь грациозно поклонились шестому молодому господину.

«Такие прекрасные... и всего лишь служанки?» — изумился он.

Стоя в этом роскошном дворе, Те Хэнцю чувствовал, как бешено колотится его сердце.

Его взгляд приковала завеса из акульего шёлка.

Лёгкая, как туман, она колыбалась на ветру, словно плывущее облако.

Он заворожённо смотрел на неё, и в его голове рождались фантазии: что за волшебный мир скрывается за этой завесой?

Может, там нефритовые дворцы и летающие журавли?

Может, там волшебные плоды, изысканные вина и живые источники?

Он никогда не видел ничего столь прекрасного, и даже его воображение казалось бледным и немощным.

В горле у Те Хэнцю пересохло, его охватило непреодолимое желание.

Он думал: если бы он мог жить здесь, может, ему больше не пришлось бы голодать и мёрзнуть? Может, он тоже смог бы, как эти высокомерные бессмертные, жить в тепле и сытости?

Его пальцы дрожали. Он хотел было протянуть руку и коснуться завесы, но в тот же миг его руку придавил к земле сапог, украшенный парчой.

Он глухо застонал, услышав хруст костей, а затем пришла мучительная боль.

Шестой молодой господин искоса взглянул на него: «Собакам в дом нельзя».

Те Хэнцю стиснул зубы. Его пальцы под сапогом шестого молодого господина были изуродованы, кровь сочилась из-под ногтей, окрашивая землю.

Несмотря на унижение и гнев, он не смел сопротивляться.

Шестой молодой господин, казалось, был доволен его молчанием. «Будешь послушным, — усмехнулся он, — может, и кость получишь».

Те Хэнцю от боли видел звёзды перед глазами и не отвечал. Внезапно он почувствовал резкую боль в голове — шестой молодой господин схватил его за волосы и заставил поднять голову.

Он запрокинул шею и ощутил холод на коже — на него надели железный ошейник.

Шестой молодой господин отпустил его, и он, как сломанная марионетка, рухнул на землю.

Тот, откинув завесу, вошёл внутрь и, не оборачиваясь, бросил: «Отведите его в конуру».

Двое слуг схватили Те Хэнцю за руки и потащили в угол двора, к низкому строению.

Двери и окна этой хижины были плотно закрыты, из щелей сочилась сырость и доносился тошнотворный запах гниющего мяса.

Те Хэнцю швырнули внутрь, и железная дверь с грохотом захлопнулась.

В темноте он упал на сырую землю. Железный ошейник на шее холодил кожу.

Как ни смешно, он был рад: у него появилась своя комната.

Те Хэнцю сжался в углу. Лунный свет пробивался сквозь дыру в крыше, освещая его землистое лицо. Из распухших, скрюченных пальцев всё ещё сочилась кровь.

Но сейчас всё его внимание было приковано к еде на полу.

«Собачья еда», брошенная слугой: несколько кусков мяса в тёмном соусе, полмиски застывшего риса и несколько увядших листьев.

Дрожащими пальцами он схватил кусок мяса и торопливо сунул в рот.

Соус и аромат мяса смешались во рту, и он чуть не заплакал от счастья.

Когда он в последний раз пробовал соль и мясо... он уже и не помнил.

«Вкусно... очень вкусно...» — прошептал он.

Дальнейшая жизнь Те Хэнцю полностью зависела от настроения шестого молодого господина: то буря, то затишье.

Иногда тот вспоминал о своей «собаке» и приказывал вытащить его из конуры. Но чаще всего Те Хэнцю был подобен забытой в углу ветоши, и даже скрип ржавых петель на двери конуры был для него редкостью.

Иногда со двора доносился смех шестого молодого господина — звонкий и ясный, словно сквозь туман.

Те Хэнцю знал, что в мире этого смеха есть резные окна и тёплые жаровни, а он лежит в своей вонючей конуре, укрывшись рваной соломенной подстилкой.

Однажды шестой молодой господин снова приказал привести Те Хэнцю.

От скуки он заставил его бегать, но юноша был так измучен, что не мог сделать и шагу.

Шестой молодой господин, потеряв интерес, сказал: «Всё-таки смертный, уже не может? Ладно, утащите его, сделаете удобрение для цветов».

Глаза Те Хэнцю широко раскрылись. Собрав последние силы, он хрипло взмолился: «Прошу... пощадите...»

Шестой молодой господин нахмурился с отвращением: «Умирующие собаки самые шумные, заткните ему рот!»

Слуга тут же заткнул ему рот и нос тряпкой. Дыхание перехватило, грудь судорожно вздымалась, мир перед глазами начал темнеть.

Он уже был на грани смерти, когда услышал чей-то голос: «Что здесь происходит?»

Слуги тут же отпустили его.

Те Хэнцю, обретши свободу, жадно глотал воздух. С трудом подняв голову, он увидел у стены женщину в белых одеждах. Её платье развевалось на ветру, словно лунный свет.

У неё было прекрасное лицо, а в глазах — сострадание. Она молча смотрела на него.

Шестой молодой господин, обычно такой надменный, тут же вскочил и низко поклонился: «Приветствую фею Лофу».

Слуга поспешил объяснить: «Фея, этот смертный проявил неуважение к шестому молодому господину, мы лишь немного его проучили».

Юэ Лофу покачала головой: «Что за великая провинность, чтобы лишать жизни ребёнка?»

Шестой молодой господин смутился, а затем заискивающе улыбнулся: «Фея, что вы, я лишь хотел его напугать, а не убивать».

Юэ Лофу кивнула: «Вот и хорошо. Небеса милосердны».

Она подняла руку, и с её пальцев сорвался мягкий белый свет, окутавший Те Хэнцю.

Он почувствовал, как тёплая сила поднимает его, а боль и усталость мгновенно исчезают.

Голос Юэ Лофу был подобен чистому ручью: «Следуй за мной».

Те Хэнцю поспешно поднялся и пошёл за ней.

Шестой молодой господин, оставшись стоять на месте, не смел их остановить, но холодно усмехнулся вслед Те Хэнцю: «Ну что ж, иди с феей Лофу. Только помни, служи ей усердно и не болтай лишнего, не оскверняй её слух».

Те Хэнцю остановился, тут же поняв скрытый смысл его слов.

Это было предупреждение: не смей рассказывать о том, как с тобой обращались, иначе пожалеешь.

Те Хэнцю глубоко вздохнул и с покорным видом ответил: «Я понимаю».

Шестой молодой господин удовлетворённо кивнул.

Вскоре они пришли в изящный дворик.

Посреди двора росла старая слива. Её ветви были изогнуты, и хотя она ещё не цвела, от неё исходила прохладная свежесть.

Юэ Лофу присела и сняла с него ошейник. Её пальцы коснулись его запястья: «Бедный ребёнок, как же тебя так ранили? Кто тебя обидел?»

<http://bllate.org/book/16975/1587962>